

В 1980 г. вышла в свет книга Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980]. Оригинальность подхода, представленного в ней, состояла прежде всего в смещении акцента: если раньше метафора считалась чисто языковой конструкцией, то теперь она становится объектом когнитивного исследования, важнейшим инструментом человеческого мировосприятия. Между тем обсуждению метонимии в этой книге посвящена лишь одна глава. И несмотря на то, что, по словам Лакоффа и Джонсона, метонимия также является важным когнитивным механизмом, ее вторичность по отношению к метафоре видна уже из названия их книги. Однако со временем столь пристрастное отношение к метафоре постепенно сменилось вниманием к метонимии. Пожалуй, первым значимым шагом в этом направлении стала публикация К. Пантера и Г. Раддена «Метонимия в языке и мышлении» [Panther, Radden 1999], где авторы подчеркнули, что роль метонимии в языке, возможно, является даже более фундаментальной, нежели роль метафоры. Эта идея получила развитие в целом ряде работ, см., например [Dirven, Rörings 2002; Panther, Thornburg 2003] и др.; среди них был и ставший затем популярным сборник под редакцией испанского когнитивиста Антонио Барселона [Barcelona 2000]. Рецензируемый сборник «Определяя метонимию в когнитивной лингвистике: путь к консенсусу» – его новая работа, на этот раз совместная с двумя другими соредакторами: Р. Бенцеш и Ф. Руисом де Мендосой. Книга продолжает ту же тему и преследует ту же цель: прояснить природу и функционирование метонимии как фундаментального явления в когнитивной деятельности человека.

Основу сборника составили статьи, написанные по материалам докладов, представленных на семинаре «Что мы хотим называть метонимией? Попытка прийти к общему мнению относительно границ метонимии в когнитивной лингвистике». Этот семинар был проведен А. Барселоней и Ф. Руисом де Мендосой в рамках X Международной конференции по когнитивной лингвистике в Кракове в 2007 г.

Как отмечают редакторы в своем предисловии к сборнику, хотя большинство лингвистов согласны с концептуальной природой и фундаментальной важностью метонимии, по ряду вопросов, связанных с этим явлением, мнения существенно расходятся. В связи с этим, цель научной встречи заключалась в том, чтобы сде-

лать понятие метонимии более четким и удобным для дальнейших исследований.

Таким образом, в задачи авторов сборника входило:

1) определить границы понятия метонимии на данный момент развития когнитивной лингвистики;

2) прояснить те аспекты этого понятия, которые вызывают основные споры;

3) предложить концепцию, которая нашла бы поддержку и среди когнитивных лингвистов, и в лингвистическом обществе в целом.

Сборник поделен на две части: «Метонимия и близкие к ней когнитивные, семантические и риторические явления» и «Метонимия и метонимические цепи как отображения либо процессы внутри матрицы/сети доменов». Этим двум частям предшествует вводная статья Антонио Барселона, в которой он формирует «теоретический фундамент» для последующих статей, перечисляя основные проблемы, которые будут рассматриваться в книге, и предлагая свой способ их решения.

В первой части статьи Барселона обращается к спорным местам в традиционном понимании природы метонимии. Так, он ставит вопрос, следует ли считать метонимию процессом, который связывает между собой сущности внутри одного и того же домена или же домены в матрице доменов. Автор утверждает, что с термином «сущность» ассоциируется представление об индивидуальных объектах, которые мы воспринимаем изолированно, отдельно от той концептуальной структуры, которая всегда с ними связана в языке. Переводя это свое рассуждение в терминологию когнитивной грамматики Лангакера [Langacker 1987], Барселона определяет сущность как профиль без базы. Напомним, что по Лангакеру, значение языковой единицы состоит из профиля и базы, причем под профилем понимается сущность, непосредственно обозначаемая языковой единицей, а под базой – та (подразумеваемая) часть значения этой языковой единицы, которая необходима для понимания профиля. В этом смысле профиль значения слова «банан» – это тропический фрукт определенного вида, тогда как в его базу входит спецификация по нескольким доменам: ФОРМА, ЦВЕТ, РАЗМЕР, ЕДА, ТРОПИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ.

Логика выбора Антонио Барселона состоит в том, что профиль не может существовать без своей базы, а значит, в отношении между сущностью и доменом первая лишена индивидуальности, необходимой для установления

метонимии. Но тогда, определяя метонимическое отношение, следует использовать пару «домен – матрица доменов».

Однако на протяжении своей статьи Барселона не раз меняет термины. Так, рассуждая о необходимости функциональной связи между источником и целью в метонимии (подробнее об этом см. ниже), он, вслед за Пантером и Радденом (см. [Panther, Radden 1999]), утверждает, что метонимию можно рассматривать как процесс, проходящий внутри фрейма, или «функционального домена» (введенный им термин). А значит, в этом случае, поле действия метонимии уже не матрица доменов, а домен; а элементы, которые «меняются местами», не домены, а субдомены. Таким образом, у читателя складывается впечатление, что здесь авторская концепция еще недостаточно устоялась, и он не может предложить нам однозначной терминологии.

Другая проблема, указанная в вводной статье, – интерпретация отношения, которое возникает между (суб)доменами в процессе метонимии, и выбор термина для него. Известно, что в свое время В. Крофт [Croft 2002] предлагал термин «выделенность домена» («domain highlighting»), Руис де Мендоса в статье, опубликованной в данном сборнике, говорит о редукции и расширении домена, Кёвечес и Радден в [Kövecses, Radden 1998] вообще избегали четкого термина, говоря лишь об отношении («relationship»), возникающем на базе смежности. Автор вводной статьи предлагает называть данную связь «отображением» («mapping»), используя тот же термин, который описывает и отношение, возникающее при метафоре. Однако он указывает на несколько другой характер метонимического отображения: оно, в отличие от метафорического, асимметрично. При метафоре два домена, участвующие в процессе, структурно схожи (по крайней мере, отчасти), и домен-источник проецирует свою структуру на результирующий домен таким образом, что слоты первого начинают соответствовать слотам второго, как в классическом примере «Жизнь – это путешествие», где начало путешествия отображается в рождение, преграды в пути соответствуют жизненным препятствиям и т.п. При метонимии (суб)домены не похожи, у них разная структура: часть устроена совсем не так, как целое. Верен этот тезис и в случае переноса с части на часть. Например, в предложении «Пруста очень трудно читать» (суб)домен 'автор' имеет структуру, в корне отличную от (суб)домена 'произведение'. Эта разница и подчеркивается в термине «асимметричное отображение»: метонимический домен-источник (автор) отображает свою структуру на результирующий домен, не проецируя свои

элементы в аналогичную («симметричную») структуру (как в метафоре), а накладывая на него, или, как говорит Барселона, проецируя на него («map») новую концептуальную перспективу, которая активизирует домен-цель (произведение).

Следующий вопрос, который ставится в статье, – стоит ли считать метонимию однонаправленным или двунаправленным процессом. Барселона утверждает, что метонимия, как и метафора, процесс однонаправленный («unidirectional»), однако, в отличие от последней, обратимый («reversible»). Например, в метонимии часть – целое иногда часть отображается в целое, иногда целое отображается в часть (в чем и проявляется «reversibility»), но этого никогда не происходит одновременно (что было бы при двунаправленности): в данном предложении в данный момент времени имеет место только одно направление.

Спорность этой аргументации видится в том, что Барселона, как и в случае с «сущностью», трактует общепринятый термин таким образом, что объекта, им обозначаемого, просто не существует. Действительно, ситуация двунаправленности, определенная таким образом, не представляется возможной в языке: как можно представить себе предложение, в котором первый домен активизирует второй и одновременно с этим второй активизирует первый? Кроме того, термин «обратимость», как кажется, не совсем удобен. Ведь обратимый процесс – это процесс, который можно обратить, тем самым вернуть к первоначальному состоянию. А возможность источника и цели при метонимии «меняться местами» («часть → целое» vs. «целое → часть») обычно возникает не для данной конкретной пары, где оно, как правило, однозначно определено, а для разных примеров. И такого рода эффект логичнее описывать через смену направлений, чем через возврат к начальной структуре.

Можно сказать, что автор пытается проводить четкие формальные параллели между метафорой и метонимией: оба процесса связывают домены, оба представляют собой отображения, оба однонаправленны. Учитывая разную природу метафоры и метонимии, необходимость этого сближения представляется неочевидной: при таком поразительном (внешнем, чисто терминологическом) сходстве теряется возможность их противопоставления. Возникает естественное недоумение, почему, собственно, эти процессы разные? Только потому, что один из них оказывается асимметричным?

Важный теоретический вклад Барселоны в понимание метонимии – его гипотеза о степенях метонимичности. Как он утверждает, есть,

по крайней мере, три степени метонимичности. Метонимии бывают схематичные (самая слабая степень), типичные и прототипические.

Прототипическая метонимия обладает целым рядом свойств. Во-первых, она представляет собой асимметричное отображение (суб)домена-источника в (суб)домен-цель, причем источник и цель находятся в одном и том же общем функциональном домене (= фрейме) и связаны прагматической функцией. Под прагматической функцией Барселона, вслед за Фо-конье [Fauconnier 1994; 1997], понимает функциональную связь между ролями в домене: причина – результат, автор – произведение, действующее лицо – действие и др. Во-вторых, в прототипической метонимии (суб)домен-источник должен быть четко отделен от результирующего (суб)домена. Проблема делимости цели от источника, как утверждает автор, существенна только для метонимии «часть – целое». Если «часть» активируется через «целое», то во многих случаях цель от источника делима слабо. Наконец, прототипическая метонимия должна, помимо всего вышеперечисленного, быть референциальной (см. [Croft 2002]); источник и цель должны представлять собой индивидуальные объекты либо их множество.

Прототипическая метонимия возникает, например, в предложении *Весь Париж замер в ожидании результатов состязания*, в котором «город» отсылает к «населению города».

В типичной метонимии, которая представляет собой второй класс, снимается требование референциальности и необходимость для (суб)домена-источника и результирующего (суб)домена быть индивидуальными объектами. Типичной, например, является метонимия глагола *have* в предложении *The saxophonist had to leave early* «Саксофонист был вынужден рано уехать». В английском предложении используется модальный глагол *to have to*, обозначающий долженствование. Это значит, что необходимость совершить действие в этом предложении заменяет само свершение действия: активируется стадия, предшествующая данному поступку. Эту метонимию можно интерпретировать как «целое–часть», однако она не является прототипической, так как (суб)домены, участвующие в процессе, не представляют собой индивидуальных объектов.

Наконец, метонимия третьего, схематичного типа не требует делимости источника от цели. Примером здесь может служить предложение *Книга очень толстая*, где, по словам Барселоны, целое («книга») активирует часть (субдомен «физический объект»).

Заметим, что при такой трактовке у слова «книга» просто не будет прямого значения – любое употребление окажется переносным.

Во второй части статьи Барселона рассуждает о трудностях, связанных с различием между метафорой и метонимией. Часто лингвистическое выражение может в зависимости от контекста или желания интерпретатора рассматриваться либо как метонимическое, либо как метафорическое. Ср:

He fell in the First World War. He was buried in Paris (букв.: «Он пал на Первой мировой войне. Он похоронен в Париже»).

Гибель солдата можно рассматривать как сложный процесс. С этой точки зрения падение – часть этого процесса. Таким образом, можно считать, что данный пример иллюстрирует метонимию «предшествующее действие – последующее действие». Но, по словам Барселоны, то же предложение верно и в ситуации, если солдат погиб не в бою, а, например, от бомбы, попавшей в землянку. Такой случай естественнее трактовать как метафору «падение – смерть». Рассматривая это предложение в целом и имея в виду, что оно может подразумевать как гибель в бою, так и случайную смерть, Барселона предлагает соединить два типа перехода: он интерпретирует этот случай как метафору, которая мотивирована метонимией и основана на де-контекстуализации и генерализации последней.

Вопросы, поставленные во вводной части, обсуждаются другими авторами сборника.

Так, Карита Парадис в статье «Метонимизация: ключевой механизм сдвига значения» тоже исследует языковые эффекты, которые можно считать пограничными с метонимией. Ее интересуют фасетизация и активация зоны. Под активацией зоны понимается процесс, схожий с метонимией «часть – целое»: языковая единица обозначает целый объект, а в ситуации участвует лишь его часть либо идет речь лишь об одном его аспекте. Например, в предложении *У Сьюзан во рту сигарета* (пример [Langacker 1984]) в ситуации непосредственно участвует только кончик сигареты. В словосочетаниях *высокий мужчина, ленивый мужчина, настоящий мужчина* (примеры Парадис) речь идет не о концепте «мужчина» в целом, а об отдельных его аспектах: физическом (высокий), функциональном (ленивый) и аспекте личных качеств (настоящий) соответственно. Важной характеристикой активации зоны является то, что при ней, в отличие от метонимии, не происходит изменения значения: активация зоны ведет лишь к сдвигу внимания на другой аспект того же значения. А значит, этот процесс к метонимии отнести нельзя. Парадис постулирует континуум промежуточных случаев между активацией зоны и метонимией. К ним, по ее мнению, относится фасетизация. Ср.:

Судья был вынужден признать, что исковое заявление верно.

Как говорит Парадис, этот пример очень похож на метонимию «часть – целое» («заявление как содержание» в отличие от «заявление как физический объект») и намного ближе к ней, чем к явлению активации зоны. Однако свести полностью к метонимии его не получается, и демонстрируют это некоторые синтаксические тесты. Главный из них – возможность применения зевгмы. Зевгма – это использование слова в нескольких значениях в одном предложении. Этот прием часто используется специально для создания комического эффекта, как в известном примере «Шел дождь и два студента», где обыгрываются разные значения слова «идти», связанные метафорическим переносом. Если два значения одной лексемы, активированные в одной фразе, связаны метонимией, это также ведет либо к особым прагматическим эффектам, либо просто к неграмматичному высказыванию. Например, предложение

The piano was in a bad mood and in black mahogany

букв.: ‘Пианино было в плохом настроении (активация игрока) и из черного махогание-ва дерева (активация инструмента)’

неправильно. Между тем использование значений, связанных фасетизацией, в одном предложении вполне грамматично. Ср.:

Исковое заявление небольшое, но верное.

Итак, Парадис постулирует континуум «активация зоны – фасетизация – метонимия».

Но представление этих процессов в одном ряду порождает другую проблему. Дело в том, что и активация зоны, и фасетизация представляют собой «недометонимии» типа «часть – целое». Значит ли это, что и метонимию нужно свести лишь к этому типу? Ответа на такой вопрос автор не дает.

Сходство метонимии и близких к ней процессов рассматривается и в статье «Зоны, фасеты и прототипическая метонимия» Герарта и Пирсмана. Проанализировав три группы примеров (*Эта собака укусила мою кошку* = активация зоны; *Чайник кипит* = метонимия, *Эта книга скучная* = фасетизация), авторы также приходят к выводу, что активация зоны – процесс, отличный от метонимии, так как не предполагает вынужденной смены референта («соерсiон»). Действительно, обращаясь к примеру про собаку и кошку, видим, что в реальном естественном языке мы просто не можем буквально выразить тот смысл, который нам нужен, что-то вроде ‘зубы собаки кусают определенные части кошки’, так как глагол «кусать» требует агентивного субъекта. Явление

же фасетизации авторы статьи сводят к подтипу метонимии: анализируя прагматический, синтаксический и семантический аспекты обоих процессов, Герартс и Пирсман утверждают, что значительной разницы между ними нет: зевгма, как утверждается, разделяет не метонимию и фасетизацию, а метонимию «часть – целое» и «целое – часть».

В статье Ф. Руиса де Мендосы «Метонимия и когнитивные операции» также осмысляются термины «активация зоны» и «фасетизация», однако автор представляет нам другое их понимание. Сводя метонимию к двум процессам – сужению и расширению домена, – он предлагает считать, что сужение домена, в свою очередь, делится на активацию зоны и фасетизацию. Различие между этими процессами автор иллюстрирует примером *She held my hand against her cheek* ‘Она прижала мою руку к своей щеке’. С точки зрения активации зоны в данной ситуации задействована не вся рука, а ее часть – ладонь. В терминах же фасетизации Руис де Мендоса противопоставляет это предложение фразе *He decided to try his hand at shooting* ‘Он решил попробовать свои силы (букв.: руку) в стрельбе’, так как в первом предложении выделен фасет физического объекта, а во втором активирован нефизический фасет концепта ‘рука’.

В статье Аны Коскела «Метонимия, сужение и расширение категории, вертикальная полисемия» речь идет о вертикальной полисемии. Это явление, при котором слово в разных контекстах может обозначать как сам объект, так и его гипоним / гипероним. Например, лексема *кошка* может обозначать ‘семейство кошачьих’ в предложениях типа *Размеры кошек широко варьируют: от 34 см до 3,8 м*. Вертикальную полисемию принято считать подтипом метонимии «часть – целое». Автор не согласна с этой точкой зрения. В своей статье она приводит доказательства в пользу того, что это явление другого рода. Один из ее аргументов – невозможность объяснить вертикальную полисемию в терминах профиля и базы [Langacker 1987]. Если метонимия – это сдвиг доменов в матрице, то метонимия «часть – целое» – ситуация, при которой один домен замещает всю матрицу доменов. Но в то же время матрица доменов – это база данного профиля, это концептуальный материал, необходимый для понимания значения данной лексемы. Действительно, в предложении *Нам нужны рабочие руки* домен ‘руки’ замещает матрицу доменов ‘человек’. При этом в данном примере ‘человек’ – база профиля, обозначаемого лексемой *руки*: нам абсолютно необходимо понимать, что такое ‘человек’, чтобы понять, что такое ‘руки’. С вертикальной полисемией ситуация совсем другая.

В подтверждение своей идеи автор приводит следующий пример:

Кошки очень свободолюбивы.

В данном предложении гипоним *кошка* = 'домашняя кошка' замещает гипероним 'семейство кошачьих'. Однако, в отличие от обычной метонимии, здесь мы не можем сказать, что 'семейство кошачьих' является базой для гипонима 'домашняя кошка'. Ведь база – это концептуальная схема, которая необходима для понимания профиля. А для понимания концепта 'кошка' нам отнюдь не обязательно знать, что такое 'семейство кошачьих'. А значит, по утверждению автора, это явление другого рода.

Следующая статья сборника – «Метонимия на перекрестке: случай эвфемизмов и дисфемизмов» Тани Градечак-Эрдельич и Горана Милича – рассматривает вопросы иного рода. В ней приводится анализ дисфемизма *chickenhawk*, образованного соединением двух слов (*chicken* 'цыпленок' и *hawk* 'ястреб'). Это выражение обозначает публичного человека, который поддерживает решение политических проблем военным путем, однако сам уклоняется от возможности надеть солдатскую форму, и эвфемизма *body count* (дословно *подсчет тел* обозначает 'подсчет людей, убитых при военных действиях'). На примере этих конструкций доказывается исключительная роль метонимии в политическом дискурсе.

Хавьер Херреро Руис в статье «Роль метонимии в сложных тропах: когнитивные операции и прагматические импликации» продолжает идею связи метонимии с фигурами речи. Помимо эвфемизмов и дисфемизмов он рассматривает такие тропы, как ирония, оксюморон, преувеличение («overstatement»), преуменьшение («understatement»). Автор интерпретирует эти тропы в терминах идеализированных когнитивных моделей (ICM, см. [Lakoff 1987]) и рассматривает случаи, в которых они осложнены метонимией. Примером одного из таких случаев может послужить диалог:

- Ты съел половину пирога!
- Нет, только ложечку.

Простым преуменьшением послужил бы ответ *Нет, только маленький кусочек*. Здесь же это значение осложнено метонимией «контейнер – содержимое контейнера».

Река Бенцеш в статье «Возвращение понятия домена обратно в метонимию: материал сложных слов» утверждает, что при любом определении метонимии необходимо понятие домена. При этом сама она предлагает понимать домен как семантический конструкт, который вместе со связанными с ним другими доменами образует сеть доменов («domain network»). Метони-

мия, по утверждению автора, оперирует внутри этой сети. Иллюстрацией может служить структура выражения *couch potato*. Есть две отдельных сети доменов: одна для концепта 'диван', другая для концепта 'картошка'. Сеть доменов первого концепта включает в себя домены 'форма' (= большой, удобный), 'функция' (для того, чтобы на нем сидеть, лежать), 'местонахождение' (обычно в гостиной, около телевизора), 'приобретение' (может быть приобретен в магазинах мебели) и др. Сеть второго состоит из доменов 'овощ' (= сорт овоща), 'потребление' (= съедобный), 'типичные блюда' (= чипсы, пюре...) и др. При их соединении новое слово получает значение «лентяй». Для того чтобы это было возможно, одни домены внутри каждой сети доменов выдвигаются вперед, другие уходят в тень. Так, в сети доменов 'диван' выделяются домены 'функция', 'местонахождение', в сети 'картошка' – 'потребление', 'типичные блюда'. Этот процесс порождает множество метонимий. Например, домены местонахождения и функции в сети доменов 'диван' делают возможным переход с места действия на само действие. В данном случае место, диван, замещает действие, которое состоит в том, чтобы лежать на диване и смотреть телевизор. Другая метонимия – «материал, из которого изготовлен объект – сам объект» – проявляется в том, что 'картошка' замещает 'чипсы'; этот переход ведет к более общему «представитель категории – категория», так как 'чипсы' олицетворяют любую закуску, которую едят перед телевизором. Возникает и метонимия «объект, вовлеченный в действие, – агенс», таким образом, через закуску активизируется человек. В результате создается образ человека, который проводит все свое время с чипсами на диване перед телевизором, из чего следует, что он лентяй.

Главный вопрос, поставленный в статье Риты Брдар-Сзабо и Марио Брдар «Что метонимические цепи говорят о природе метонимии?», – стоит ли понимать метонимию как отображение («mapping»)? Авторы рассматривают это явление в дискурсе СМИ, анализируя в основном метонимию «столица страны – правительство страны». На этом материале они показывают, что часто одному домену-источнику соответствуют различные результирующие домены, а иногда и неясно, какой домен является результирующим (например, под той или иной столицей может пониматься не только правительство государства, но и закон страны, обсуждаемый в данной статье, или же событие, которое должно здесь произойти и о котором идет речь). Это свидетельствует в пользу предположения, что связь, возникающая при метафоре, существенно отличается от

связи в метонимии: в метафоре она статична, а в метонимии динамична и может изменяться по мере развития дискурса. Но в таком случае лучше отказаться от «метафорического» термина «отображение». Авторы предлагают вслед за Руисом де Мендосой понимать метонимию как изменение (расширение или сужение) домена.

В последней статье сборника «Матрица доменов при метонимии и составные конструкции» Ксианглан Чен продолжает дискуссию о термине «домен». Автор также изучает функционирование метонимии в дискурсе, однако на этот раз материалом исследования стала одна китайская пьеса. Как и Рита Брдар-Сзабо и Марио Брдар, исследователь показывает, что даже внутри одного дискурса матрицы доменов могут иметь различные конфигурации: один домен-источник может быть связан с несколькими результирующими доменами, и наоборот, один результирующий домен может иметь несколько доменов-источников.

В целом рецензируемый сборник оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, в нем ставятся вопросы, которые раньше, как кажется, подробно не обсуждались: например, проблема разграничения метонимии и пограничных явлений (фасетизации и активации зон) или противопоставление метафоры и метонимии по признаку статичности – динамичности. Есть в нем и интересные типы примеров, которые стоит принять во внимание, исследуя природу метонимии. С другой стороны, создается впечатление, что цельная концепция отсутствует: каждый автор сборника придерживается своего подхода и своей терминологии, многие заявленные проблемы остаются нерешенными. А значит, как представляется, главная задача, поставленная редакторами в предисловии и фактически вынесенная в заголовок, не решена: единая теория пока не найдена и путь к консенсусу в рамках этой теории не определен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Barcelona (ed.) 2000 – A. Barcelona (ed.). *Metaphor and metonymy at the crossroads: A cognitive perspective*. Berlin; New York, 2000.

Croft 2002 – W. Croft. *The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies* // R. Dirven, R. Pörings (eds.). *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York, 2002.

Dirven, Pörings (eds.) 2002 – R. Dirven, R. Pörings (eds.). *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York, 2002.

Fauconnier 1994 – G. Fauconnier. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, 1994.

Fauconnier 1997 – G. Fauconnier. *Mappings in thought and language*. Cambridge, 1997.

Kövecses, Radden 1998 – Z. Kövecses, G. Radden. *Metonymy: Developing a cognitive linguistic view* // *Cognitive linguistics*. 1998. 9(1).

Lakoff, Johnson 1980 – G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.

Lakoff 1987 – G. Lakoff. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, 1987.

Langacker 1984 – R.W. Langacker. *Active zones* // *Proceedings of the Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. 1984. 12.

Langacker 1987 – R.W. Langacker. *Foundations of cognitive grammar*. V. 1. *Theoretical prerequisites*. Stanford, 1987.

Panther, Radden (eds.) 1999 – K.-U. Panther, G. Radden (eds.). *Metonymy in language and thought*. Amsterdam; Philadelphia, 1999.

Panther, Thornburg (eds.) 2003 – K.-U. Panther, L.L. Thornburg (eds.). *Metonymy and pragmatic inferencing*. Amsterdam; Philadelphia, 2003.

Panther, Thornburg 2007 – K.-U. Panther, L.L. Thornburg. *Metonymy* // D. Geeraerts, R. Dirven, H. Cuyckens (eds.). *Handbook of cognitive linguistics*. Oxford, 2007.

М.В. Кюсева

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Кюсева
МГУ им. М.В. Ломоносова
mkyuseva@gmail.com